

PENGUIN BOOK OF RUSSIAN POETRY (2015)

Edited by Robert Chandler, Boris Dralyuk, and Irina Mashinski

Selection © 2015

Russian Text

Part II

Table of Contents:

3. ALEXANDER PUSHKIN

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837)

<i>Руслан и Людмила – Ruslan and Lyudmila (from the Prologue)</i>	69
<i>«Полу-милорд, полу-купец» – Epigram (“Part Black Sea merchant, part milord”)</i>	70
<i>К ***<Керн> («Я помню чудное мгновенье») – “I cannot forget that hour”</i>	70
<i>«Цветы последние милей» – “The season’s last flowers yield”</i>	71
<i>К Вяземскому - To Vyazemsky</i>	72
<i>Пророк - The Prophet</i>	72
<i>И. И. Пущину - To Ivan Pushchin</i>	73
<i>Сцена из Фауста - Scene from Faust</i>	74
<i>«Город пышный, город бедный» – “City of splendour, city of poor”</i>	78
<i>«Я вас любил: любовь ещё, быть может» – “I loved you – and maybe love”</i>	78
<i>Пир во время чумы (отрывок) – A Feast in Time of Plague (extract)</i>	79
<i>Моцарт и Сальери (отрывок) – Mozart and Salieri (extract)</i>	79
<i>Пиковая дама (эпиграф) – The Queen of Spades (Epigraph)</i>	81
<i>Осень – Autumn</i>	82
<i>«Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит» – “It’s time, my friend, it’s time. We long for peace”</i>	85
<i>Египетские ночи (отрывок) – The Egyptian Nights (extract)</i>	85
<i>Медный всадник - The Bronze Horseman</i>	88
<i>Свадебная песня (из Капитанской дочки) – Wedding Song (from The Captain’s Daughter)</i>	100
<i>Exegi monumentum - Exegi monumentum</i>	101

Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837)*Руслан и Людмила*

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русской дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

<1820>

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

<1824>

К ***<Керн>

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

<не позднее 19 июля 1825>

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

<1825>

К Вяземскому

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

<1826>

Пророк

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

<1826>

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое Провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

<13 декабря 1826>

Сцена из Фауста

БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
 Таков вам положен предел,
 Его ж никто не преступает.
 Вся тварь разумная скучает:
 Иной от лени, тот от дел;
 Кто верит, кто утратил веру;
 Тот насладиться не успел,
 Тот насладился через меру,
 И всяк зевает да живет —
 И всех вас гроб, зевая, ждет.
 Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!
 Найди мне способ как-нибудь
 Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь
 Ты доказательством рассудка.
 В своем альбоме запиши:
 Fastidium est quies — скука
 Отдохновение души.
 Я психолог... о вот наука!..
 Скажи, когда ты не скучал?
 Подумай, поищи. Тогда ли,
 Как над Вергилием дремал,
 А розги ум твой возбуждали?
 Тогда ль, как розами венчал
 Ты благосклонных дев веселья
 И в буйстве шумном посвящал
 Им пыл вечернего похмелья?
 Тогда ль, как погрузился ты
 В великодушные мечты,
 В пучину темную науки?
 Но — помнится — тогда со скуки,

Как арлекина, из огня
 Ты вызвал наконец меня.
 Я мелким бесом извивался,
 Развеселить тебя старался,
 Возил и к ведьмам и к духам,
 И что же? всё по пустякам.
 Желал ты славы — и добился, —
 Хотел влюбиться — и влюбился.
 Ты с жизни взял возможну дань,
 А был ли счастлив?

Фауст

Перестань,
 Не растравляй мне язвы тайной.
 В глубоком знанье жизни нет —
 Я проклял знаний ложный свет,
 А слава... луч ее случайный
 Неуловим. Мирская честь
 Бессмысленна, как сон... Но есть
 Прямое благо: сочетание
 Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнать
 Кого изволишь поминать,
 Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
 О пламя чистое любви!
 Там, там — где тень, где шум древесный,
 Где сладко-звонкие струи —
 Там, на груди ее прелестной
 Покоя томную главу,
 Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
 Ты бредишь, Фауст, наяву!
 Услужливым воспоминаньем
 Себя обманываешь ты.
 Не я ль тебе своим стараньем
 Доставил чудо красоты?

И в час полуночи глубокой
 С тобою свел ее? Тогда
 Плодами своего труда
 Я забавлялся одинокой,
 Как вы вдвоем — все помню я.
 Когда красавица твоя
 Была в восторге, в упоенье,
 Ты беспокойною душой
 Уж погружался в размышленье
 (А доказали мы с тобой,
 Что размышленье — скуки семя).
 И знаешь ли, философ мой,
 Что думал ты в такое время,
 Когда не думает никто?
 Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
 Как жадно я тебя желал!
 Как хитро в деве простодушной
 Я грезы сердца возмущал! —
 Любви невольной, бескорыстной
 Невинно предалась она...
 Что ж грудь моя теперь полна
 Тоской и скукой ненавистой?..
 На жертву прихоти моей
 Гляжу, упившись наслажденьем,
 С неодолимым отвращеньем:
 Так безрасчетный дуралей,
 Вотще решаешь на злое дело,
 Зарезав нищего в лесу,
 Бранит ободранное тело; —
 Так на продажную красу,
 Насытясь ею торопливо,
 Разврат косится боязливо...
 Потом из этого всего
 Одно ты вывел заключение...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
 Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает.)

<1825>

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелёно-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой.

<1828>

В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

<1829>

Пир во время чумы (отрывок)

Председатель

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

<1830>

Моцарт и Сальери (отрывок)

СЦЕНА I

Комната.

Сальери

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше. Для меня
Так это ясно, как простая гамма.
Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были
Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке. Труден первый шаг
И скучен первый путь. Преодолею
Я ранние невзгоды. Ремесло
Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.
Я стал творить; но в тишине, но в тайне,
Не смея помышлять еще о славе.
Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слезы вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.
Что говорю? Когда великий Глюк
Явился и открыл нам новы тайны
(Глубокие, пленительные тайны),
Не бросил ли я все, что прежде знал,
Что так любил, чему так жарко верил,
И не пошел ли бодро вслед за ним
Безропотно, как тот, кто заблуждался
И встречным послан в сторону иную?
Усиленным, напряженным постоянством

Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! никогда я зависти не знал,
О, никогда! — ниже, когда Пиччини
Пленить умел слух диких парижан,
Ниже, когда услышал в первый раз
Я Ифигении начальны звуки.
Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!

<1830>

Пиковая дама (эпиграф)

А в ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули — бог их прости! —
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мелом,
Так, в ненастные дни,
Занимались они
Делом.

<1833>

Осень

(Отрывок)

*Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.*

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю её снега; в присутствии луны
Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под сободем, согрета и свежа,
Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стёклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;

Лишь как бы напоить, да освежить себя —
 Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
 И, проводив её блинами и вином,
 Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
 Но мне она мила, читатель дорогой,
 Красою тихою, блистающей смиренно.
 Так нелюбимое дитя в семье родной
 К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
 Из годовых времён я рад лишь ей одной,
 В ней много доброго; любовник не тщеславный,
 Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
 Как, вероятно, вам чахоточная дева
 Порою нравится. На смерть осуждена,
 Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
 Улыбка на устах увянувших видна;
 Могильной пропасти она не слышит зева;
 Играет на лице ещё багровый цвет.
 Она жива ещё сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
 Приятна мне твоя прощальная краса —
 Люблю я пышное природы увяданье,
 В багрец и в золото одетые леса,
 В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
 И мглой волнистою покрыты небеса,
 И редкий солнца луч, и первые морозы,
 И отдалённые седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
 Здоровью моему полезен русской холод;
 К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
 Чредой слетает сон, чредой находит голод;
 Легко и радостно играет в сердце кровь,
 Желания кипят — я снова счастлив, молод,
 Я снова жизни полн — таков мой организм
 (Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
 Махая гривую, он всадника несёт,
 И звонко под его блистающим копытом
 Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.
 Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиёт,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
 Я сладко усыплён моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться наконец свободным проявленьем —
 И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывёт. Куда ж нам плыть?

.....

.....

<октябрь—ноябрь 1833>

Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрём.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

<1834>

Египетские ночи (отрывок)

Чертог сиял. Гремели хором
 Певцы при звуке флейт и лир.
 Царица голосом и взором
 Свой пышный оживляла пир;
 Сердца неслись к ее престолу,
 Но вдруг над чашей золотой
 Она задумалась и долу
 Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет,
 Безмолвны гости. Хор молчит.
 Но вновь она чело подымлет
 И с видом ясным говорит:
 В моей любви для вас блаженство?
 Блаженство можно вам купить...
 Внемлите ж мне: могу равенство
 Меж нами я восстановить.
 Кто к торгу страстному приступит?
 Свою любовь я продаю;
 Скажите: кто меж вами купит
 Ценою жизни ночь мою? —

Рекла — и ужас всех объемлет,
 И страстью дрогнули сердца...
 Она смущенный ропот внемлет
 С холодной дерзостью лица,
 И взор презрительный обводит
 Кругом поклонников своих...
 Вдруг из толпы один выходит,
 Вослед за ним и два других.
 Смела их поступь; ясны очи;
 Навстречу им она встает;
 Свершилось: куплены три ночи,
 И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
 Теперь из урны роковой
 Пред неподвижными гостями
 Выходят жребии чредой.
 И первый — Флавий, воин смелый,
 В дружинах римских поседель;
 Снести не мог он от жены
 Высокомерного презренья;
 Он принял вызов наслажденья,
 Как принимал во дни войны
 Он вызов ярого сраженья.

За ним Критон, молодой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура...
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам
Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно отенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И грустный взор остановила
Царица гордая на нем.

<1828>

*Медный всадник**(Петербургская повесть)**Предисловие*

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом.

Вступление

На берегу пустынных волн
 Стоял он, дум великих полн,
 И вдаль глядел. Пред ним широко
 Река неслася; бедный чёлн
 По ней стремился одиноко.
 По мшистым, топким берегам
 Чернели избы здесь и там,
 Приют убогого чухонца;
 И лес, неведомый лучам
 В тумане спрятанного солнца,
 Кругом шумел.

И думал он:
 Отсель грозить мы будем шведу,
 Здесь будет город заложен
 На зло надменному соседу.
 Природой здесь нам суждено
 В Европу прорубить окно,
 Ногою твёрдой стать при море.
 Сюда по новым им волнам
 Все флаги в гости будут к нам,
 И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
 Полнощных стран краса и диво,
 Из тьмы лесов, из топи блат
 Вознёсся пышно, горделиво;
 Где прежде финский рыболов,
 Печальный пасынок природы,
 Один у низких берегов
 Бросал в неведомые воды
 Свой ветхой невод, ныне там
 По оживлённым берегам
 Громады стройные теснятся
 Дворцов и башен; корабли
 Толпой со всех концов земли

К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Тёмно-зелёными садами
Её покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор бáлов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамён победных,
Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,

Или, взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье...
Об ней, друзья мои, для вас
Начну своё повествованье.
Печален будет мой рассказ.

Часть первая

Над омрачённым Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришёл Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Моё перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живёт в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришед, Евгений
 Стряхнул шинель, разделся, лёг.
 Но долго он заснуть не мог
 В волнение разных размышлений.
 О чём же думал он? о том,
 Что был он беден, что трудом
 Он должен был себе доставить
 И независимость и честь;
 Что мог бы Бог ему прибавить
 Ума и денег. Что ведь есть
 Такие праздные счастливицы,
 Ума недалёкого, ленивцы,
 Которым жизнь куда легка!
 Что служит он всего два года;
 Он также думал, что погода
 Не унималась; что река
 Всё прибывала; что едва ли
 С Невы мостов уже не сняли
 И что с Парашей будет он
 Дни на два, на три разлучён.
 Евгений тут вздохнул сердечно
 И размечтался, как поэт:

«Жениться? Мне? зачем же нет?
 Оно и тяжело, конечно;
 Но что ж, я молод и здоров,
 Трудиться день и ночь готов;
 Уж кое-как себе устрою
 Приют смиренный и простой
 И в нём Парашу успокою.
 Пройдёт, быть может, год-другой —
 Местечко получу, Параше
 Препоручу семейство наше
 И воспитание ребят...
 И станем жить, и так до гроба
 Рука с рукой дойдём мы оба,
 И внуки нас похоронят...»

Так он мечтал. И грустно было
 Ему в ту ночь, и он желал,
 Чтоб ветер выл не так уныло
 И чтобы дождь в окно стучал
 Не так сердито...

Сонны очи

Он наконец закрыл. И вот
 Редает мгла ненастной ночи
 И бледный день уж настаёт...
 Ужасный день!

Нева всю ночь
 Рвалася к морю против бури,
 Не одолев их буйной дури...
 И спорить стало ей невмочь...
 Поутру над её берегами
 Теснился кучами народ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пеной разъярённых вод.
 Но силой ветров от залива
 Переграждённая Нева
 Обрато шла, гневна, бурлива,
 И затопляла острова,
 Погода пуще свирепела,
 Нева вздувалась и ревела,
 Котлом клокоча и клубясь,
 И вдруг, как зверь остервенясь,
 На город кинулась. Пред нею
 Всё побежало, всё вокруг
 Вдруг опустело — воды вдруг
 Втекли в подземные подвалы,
 К решёткам хлынули каналы,
 И всплыл Петрополь как тритон,
 По пояс в воду погружён.

Осада! приступ! злые волны,
 Как воры, лезут в окна. Чёлны
 С разбега стёкла бьют кормой.
 Лотки под мокрой пеленой,
 Обломки хижин, брёвны, кровли,
 Товар запасливой торговли,
 Пожитки бледной нищеты,
 Грозой снесённые мосты,
 Гроба с размытого кладбища
 Плывут по улицам!

Народ

Зрит Божий гнев и казни ждёт.
 Увы! всё гибнет: кров и пища!
 Где будет взять?

В тот грозный год

Покойный царь ещё Россией
 Со славой правил. На балкон,
 Печален, смутен, вышел он
 И молвил: «С Божией стихией
 Царям не совладеть». Он сел
 И в думе скорбными очами
 На злое бедствие глядел.
 Стояли стогны озерами,
 И в них широкими реками

Вливались улицы. Дворец
 Казался островом печальным.
 Царь молвил — из конца в конец,
 По ближним улицам и дальным
 В опасный путь средь бурных вод
 Его пустились генералы
 Спасать и страхом обуялый
 И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой,
 Где дом в углу вознёсся новый,
 Где над возвышенным крыльцом
 С подъятой лапой, как живые,
 Стоят два льва сторожевые,
 На звере мраморном верхом,
 Без шляпы, руки сжав крестом,
 Сидел недвижимый, страшно бледный
 Евгений. Он страшился, бедный,
 Не за себя. Он не слышал,
 Как подымался жадный вал,
 Ему подошвы подмывая,
 Как дождь ему в лицо хлестал,
 Как ветер, буйно завывая,
 С него и шляпу вдруг сорвал.
 Его отчаянные взоры
 На край один наведены
 Недвижно были. Словно горы,
 Из возмущённой глубины
 Вставали волны там и злились,
 Там буря выла, там носились
 Обломки... Боже, Боже! там —
 Увы! близёхонько к волнам,
 Почти у самого залива —
 Забор некрашенный, да ива
 И ветхий домик: там оне,
 Вдова и дочь, его Параша,
 Его мечта... Или во сне
 Он это видит? иль вся наша
 И жизнь ничто, как сон пустой,
 Насмешка неба над землёй?

И он, как будто околдован,
 Как будто к мрамору прикован,
 Сойти не может! Вкруг него
 Вода и больше ничего!
 И, обращён к нему спиною,
 В неколебимой вышине,

Над возмущённою Невою
Стоит с простёртою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Часть вторая

Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И, грабежом отягощённы,
Боясь погони, утомлённы,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смилившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Ещё кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Ещё их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовёт —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везёт.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был чёлн — и наконец
Достиг он берега.

Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,

Узнать не может. Вид ужасный!
 Всё перед ним заваленó;
 Что сброшено, что снесено;
 Скривились домики, другие
 Совсем обрушились, иные
 Волнами сдвинуты; кругом,
 Как будто в поле боевом,
 Тела валяются. Евгений
 Стремглав, не помня ничего,
 Изнемогая от мучений,
 Бежит туда, где ждёт его
 Судьба с неведомым известьем,
 Как с запечатанным письмом.
 И вот бежит уж он предместьем,
 И вот залив, и близок дом...
 Что ж это?..

Он остановился.

Пошёл назад и воротился.
 Глядит... идёт... ещё глядит.
 Вот место, где их дом стоит;
 Вот ива. Были здесь ворота —
 Снесло их, видно. Где же дом?
 И, полон сумрачной заботы,
 Всё ходит, ходит он кругом,
 Толкует громко сам с собою —
 И вдруг, ударя в лоб рукою,
 Захохотал.

Ночная мгла

На город трепетный сошла;
 Но долго жители не спали
 И меж собою толковали
 О дне минувшем.

Утра луч

Из-за усталых, бледных туч
 Блеснул над тихою столицей
 И не нашёл уже следов
 Беды вчерашней; багряницей
 Уже прикрыто было зло.
 В порядок прежний всё вошло.
 Уже по улицам свободным
 С своим бесчувствием холодным
 Ходил народ. Чиновный люд,
 Покинув свой ночной приют,
 На службу шёл. Торгаш отважный,
 Не унывая, открывал
 Невою ограбленный подвал,
 Сбираясь свой убыток важный
 На ближнем выместить. С дворов

Свозили лодки.
 Граф Хвостов,
 Поэт, любимый небесами,
 Уж пел бессмертными стихами
 Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
 Увы! его смятённый ум
 Против ужасных потрясений
 Не устоял. Мятежный шум
 Невы и ветров раздавался
 В его ушах. Ужасных дум
 Безмолвно полон, он скитался.
 Его терзал какой-то сон.
 Прошла неделя, месяц — он
 К себе домой не возвращался.
 Его пустынный уголок
 Отдал внаймы, как вышел срок,
 Хозяин бедному поэту.
 Евгений за своим добром
 Не приходил. Он скоро свету
 Стал чужд. Весь день бродил пешком,
 А спал на пристани; питался
 В окошко поданным куском.
 Одежда ветхая на нём
 Рвалась и тлела. Злые дети
 Бросали камни вслед ему.
 Нередко кучерские плети
 Его стегали, потому
 Что он не разбирал дороги
 Уж никогда; казалось — он
 Не примечал. Он оглушён
 Был шумом внутренней тревоги.
 И так он свой несчастный век
 Влачил, ни зверь ни человек,
 Ни то ни сё, ни житель света,
 Ни призрак мёртвый...

Раз он спал
 У невской пристани. Дни лета
 Клонились к осени. Дышал
 Ненастный ветер. Мрачный вал
 Плескал на пристань, ропща пени
 И бьясь об гладкие ступени,
 Как челобитчик у дверей
 Ему не внемлющих судей.
 Бедняк проснулся. Мрачно было:
 Дождь капал, ветер выл уныло,
 И с ним вдали, во тьме ночной

Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошёл бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в тёмной вышине
Над ограждённою скалою
Кумир с простёртою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нём страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошёл
И взоры дикие навёл
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решётке хладной прилегло,
Глаза подёрнулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,

Как обуянный силой чёрной,
 «Добрó, строитель чудотворный! —
 Шепнул он, злобно задрожав, —
 Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
 Бежать пустился. Показалось
 Ему, что грозного царя,
 Мгновенно гневом возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И он по площади пустой
 Бежит и слышит за собой —
 Как будто грома грохотанье —
 Тяжёло-звонкое скаканье
 По потрясённой мостовой.
 И, озарён луною бледной,
 Простёрши руку в вышине,
 За ним несётся Всадник Медный
 На звонко-скачущем коне;
 И во всю ночь безумец бедный,
 Куда стопы ни обращал,
 За ним повсюду Всадник Медный
 С тяжёлым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
 Идти той площадью ему,
 В его лице изображалось
 Смятенье. К сердцу своему
 Он прижимал поспешно руку,
 Как бы его смиряя муку,
 Картуз изношенный сымал,
 Смущённых глаз не подымал
 И шёл сторонкой.

Остров малый
 На взморье виден. Иногда
 Причалит с неводом туда
 Рыбак на ловле запоздалый
 И бедный ужин свой варит,
 Или чиновник посетит,
 Гуляя в лодке в воскресенье,
 Пустынный остров. Не взросло
 Там ни былинки. Наводнение
 Туда, играя, занесло
 Домишко ветхой. Над водою
 Остался он как чёрный куст.
 Его прошедшею весною
 Свезли на барке. Был он пуст
 И весь разрушен. У порога
 Нашли безумца моего,

И тут же хладный труп его
Похоронили ради Бога.

<1833>

Свадебная песня (из Капитанской дочки)

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.

<1836>

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заростет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

<21 августа 1836>